

К вопросу о преподавании закона Божия в народных школах. Голос законоучителей народной школы

I.

С самого начала открытия земских школ и до настоящего времени не переставали и не перестают обвинять духовенство в уклонении от должностей законоучителей в народных школах, в его мнимой холодности и невнимательности к исполнению прямой своей обязанности, местами даже — в его неспособности к преподаванию. В литературе, в отчётах училищных советов, в докладах земским собраниям немало было сказано на эту тему. Духовенство в своё оправдание уверяло, что исправление христианских треб, забота о насущном куске хлеба, отнимают у него возможность вести дело преподавания закона Божия в народных школах, и ему поверили. Как результат всего этого явилось предположение, с которым согласился и Учебный комитет, верить преподавание закона Божия в народных школах светским лицам без богословского образования, именно: окончившим курс в шестом классе гимназий мужских и женских, шестиклассных прогимназий, учительских женских институтов, духовных училищ и прочего. А г. Лесков дошёл даже до отставных солдат. Мы не станем говорить о непригодности этих лиц, знакомых только с азбукою закона Божия, для законоучительства в народных школах. Об этом уже сказано веское слово почтенным автором статьи, помещённой в майской книжке «Православного Обозрения» за настоящий год под заглавием: «К вопросу о преподавателях закона Божия в народной школе». Мы постараемся дать посильный ответ на вопросы, поставленные, но не решённые автором этой статьи, именно: что заставляет священников иногда уклоняться от законоучительства в школах; какие они встречают в этом препятствия и затруднения, что желалось бы им изменить в настоящем положении сельской школы, насколько справедливо обвинение их в холодности к делу?

с. 757

с. 758

Уклонение некоторых священников от законоучительства с первого взгляда не может не показаться странным. Неужели духовенство не в состоянии понимать прямых своих обязанностей и оценить важность ответственности пред Богом и людьми за все последствия своей недейтельности? Неужели оно не чувствует потребности религиозно-нравственного воспитания своих духовных чад? Неужели оно не видит и относится совершенно безучастно к тому, что в его права готов вторгнуться элемент пришлый, не призванный к законоучительству, — что, вследствие этого, впоследствии школа может уклониться от предназначенного ей пути — религиозно-нравственного воспитания детей? Нет! В огромном большинстве всё это оно видит и понимает, но не менее понимает и то, что у него крылья связаны. Священник, первенствующее лицо в приходе, отодвигается на задний план в школе, где полный хозяин учитель. Влияния на ход школьного дела он не имеет. В лучшей постановке школьных вопросов ему не дано право голоса. Земство назначает ему два урока в неделю, епархиальная власть предписывает ему быть законоучителем, и только. Считает ли он возможным, при условиях настоящей постановки школы, выполнить программу закона Божия, в состоянии ли он пополнить обязанности законоучителя по своим летам или здоровью, — это лишние вопросы, на которые в епархиальной практике не привыкли обращать внимания. Священник — это такой субъект, с которым ни епархиальная власть, ни светские заправители школы не привыкли объясняться. Вот тебе

с. 759

* Свирелин, А. И. К вопросу о преподавании закона Божия в народных школах. Голос законоучителей народной школы / А. И. Свирелин // *Православное обозрение*. — 1880. — Август. — С. 757—771.

программа закона Божия! вот тебе два урока в неделю! вот тебе грошовое вознаграждение! Доволен ли ты всем этим, об этом тебя никто не спрашивает и возражений твоих слушать не желает. Стали замечать, что закон Божий преподаётся в школах неудовлетворительно, что священники местами даже уклоняются от законоучительства. Их только обвиняют, но не хотят вникнуть в действительные причины ненормальности такого отношения духовенства к школе и подумать об устранении их.

Немаловажную причину уклонения священников от законоучительства служит то, что труды законоучителей оцениваются не по достоинству. Оценка трудов по преподаванию закона Божия находится в полной зависимости от произвола светских лиц: инспекторов, членов училищных советов и даже иногда — членов земских управ, не получивших богословского образования, нередко нетвёрдых в религиозных убеждениях и относящихся к духовенству с предубеждением. Сплошь и рядом в числе их попадаются такие, которые в знании и суждении о законе Божиим стоят не выше того полковника, который счёл за нелепость историю о принесении Исаака в жертву и страшно раскричался в солдатской школе. Вдобавок эти лица в большинстве не обладают педагогическими способностями, дают детям чудовищные вопросы, горячатся и кричат как у себя дома и тем только сбивают детей с толку. А после докладывают куда следует, что преподавание закона Божия в школах идёт слабо по небрежности законоучителей к своему делу, что вызывает иногда оскорбительные для законоучителей распоряжения епархиального начальства.

с. 760

В конце прошедшего мая инспектор народных училищ производил испытания окончившим курс в земских школах нашего уезда. В школе селения Т., вызвав первого мальчика, он дал ему такой вопрос: ты кто? Человек! отвечал мальчик. Какой же ты человек? Русский! отвечал мальчик. Какой ты русский? желаю я знать, с горячностью спросил инспектор. Законоучитель велел мальчику прочитать 2-й член символа с переводом и спросил: кто ты по вере? Христианин! отвечал мальчик. Какой ты христианин? почти закричал инспектор. Христианами называются католики, лютеране, протестанты, кальвинисты, анабаптисты, гернгутеры, квакеры, мормоны и прочие — едва не дошёл до материалистов. Мальчик молчал. Законоучитель дал ему подходящий вопрос, и он отвечал: я православный. В это время послышался голос: батюшка! человек умирает. Священник извинился и вышел из школы. По возвращении в школу законоучитель увидел такую картину: два мальчика стоят и горько плачут, инспектор кричит и горячится. Ваши мальчики, заговорил он, увидев законоучителя, ничего не знают по закону Божию. Они совершенно не занимались. Я не могу выдавать свидетельства на льготу таким... и прочее. Законоучитель, подошед к нему, сказал: успокойтесь, сидите на своём месте и только сказывайте мне: о чём вы желаете спросить. Дети хорошо подготовлены, что вы сейчас увидите. Законоучитель стал спрашивать. Дети отвечали развязно. Инспектор ставил им 4 и 5. В следующей школе в слободе К. Ч., оставшись не совсем довольным ответами учеников по закону Божию, инспектор ставил школу селения Т. в образец и уверял, что эта единственная школа во всём его округе, где мальчики хорошо подготовлены по закону Божию. В сущности же там нашёлся единственный законоучитель, который попросил его успокоиться и заставил держать себя в границах приличия. Не в одной школе этот оригинальный инспектор доводил мальчиков до слёз. А в одном торговом селении С., не нашедши в школе крючка, на который он мог бы повесить своё пальто, до того расхотелся, что счёл себя вправе уехать, оставив детей без экзамена, чем и лишил их права получить свидетельство на льготу. Желающих получить свидетельство было довольно много. Быть может, скажут: такой инспектор составляет исключение. Нет. Года два или три назад, в одном уезде нашей губернии, экзаменатор до того зарпортовался в школе, что законоучитель, потеряв терпение, сказал ему: вас самих следует посадить за парту и учить закону Божию. Вышел из школы и подал прошение об увольнении от должности законоучителя. Если экзаменатор не умеет дать детям вопроса, если он не умеет владеть собой и держать себя так, чтобы дети относились к нему с доверием, если он не получил богословского образования; то можно ли ожидать от него правильной оценки трудов законоучителя? Вот такие-то господа, вкуче с членами училищных советов, не обладающие ни педагогическим тактом, ни основательным знанием закона Божия, и кричат: закон Божий преподаётся в школах слабо, духовенство не занимается своим делом. Они-то и читают отчёты пред земскими собраниями о состоянии земских школ (чему я был свидетелем как гласный), в которых проглядывает какое-то особенное усилие и удовольствие уязвить духовенство. Но можно ли относиться серьёзно к суждениям таких ценителей? Их отчёты имеют такую же цену, как отчёт пехотного генерала об инспекторском смотре флоту. Но это ещё не всё. Не имея должного уважения к сану священника, они иногда позволяют себе относиться к законоучителю

с. 761

без всякого внимания и накликают на него грозы со стороны епархиального начальства. Вот примеры. В одну школу Б. уезда земством был прислан учителем вольнодумец — воспитанник учительской семинарии. Он буквально развращал детей, поносил при них законоучителя, делал ему страшные грубости, осмеивал его в классе. Священник несколько раз докладывал об этом училищному совету, но ответа не было. Наконец он уведомил что не будет посещать классов до тех пор, пока на его заявления не будет обращено внимание и учитель не будет уволен от должности, что и исполнил. Учитель донёс училищному совету, что законоучитель не посещает классов и не занимается своим делом. Последовала жалоба к преосвященному, за которую не замедлил явиться указ консистории, в котором предписывалось священнику в два месяца приискать другой приход, в котором нет школы. И это без всякого дознания. Священник страшно пал духом, но потом возложил свои надежды на покровительство закона, не стал искать места и не пошёл в школу. Волей-неволей те, которым ведать об этом надлежит, принуждены были заглянуть в школу и произвести дознание. В результате оказалось, что священник был совершенно прав. Учитель был прогнан как вредный человек. Хотя преосвященный, при свидании с священником, счёл за нужное сознаться в своей ошибке и признал священника хорошим человеком, но можно ли назвать это достойной наградой за те душевные волнения, которые должен был перенести священник? Сколько у него перепортилось крови! И какой внушительный пример для соседних священников, из которого они ясно увидели, что содействовать открытию земских школ и стремиться к законоучительству значит посягать на собственное спокойствие и безопасность.

Вот и другой пример. Один уважаемый старец священник, проживающий седьмой десяток, прослуживший более сорока лет в сане священника, сообщил инспектору народных училищ, что вследствие частых недугов, свойственных человеку в его лета, он не надеется неопустительно посещать классы. Поэтому не будет ли признано удобным прислать в школу учителя, окончившего курс семинарских наук, который был бы и законоучителем. Инспектор оставил отношение священника без ответа. Управа же (с которой священник не сносился) послала на имя преосвященного простое отношение, за подписом одного только члена из крестьян, в котором выразила следующее: «До сведения управы дошло, что такой-то священник отказывается от должности законоучителя в земской школе, ссылаясь на слабость здоровья. Управа, хорошо зная личность о. Н (члены управы ни разу не видали священника, равно как и он их), уверена, что означенная причина (слабость здоровья) есть только предлог к отказу от должности, и что на самом деле о. Н свободно может совместить законоучительскую должность с священническими обязанностями, если только пожелает. Оставление школы о. Н, как местным священником, может убыточно повлиять на целое школьное дело, ибо крестьяне в большинстве лично не имеют правильного взгляда на грамотность. Священник же, как лицо, вращающееся в среде прихожан и прочее». Поэтому управа просит побудить священника не уклоняться и прочее. Преосвященный потребовал от священника объяснения, с препровождением к нему копии с отношения управы. Священник написал весьма резонное объяснение, в котором выразил, что личность его не могла быть известною членам управы, которые не знают его лично, равно как и он их; что влияние его на школу не может прекратиться и по оставлении должности законоучителя, так как он, постоянно вращаясь в среде прихожан, по-прежнему может располагать их в пользу грамотности, — что он действительно слаб здоровьем и прочее. Благочинный особым рапортом доложил преосвященному, что священник действительно слаб здоровьем. После этого священнику объявлен указ консистории с резолюцией его преосвященства следующего содержания: «Священник, коему слабость здоровья не позволяет исполнять обязанности законоучителя школы, не может оставаться и священником того прихода, так как он для того и поставляется, чтобы учить закону Божию своих прихожан. Дать знать священнику Н, чтобы он или неленостно проходил должность законоучителя, или приискал себе другой приход, в котором нет приходской школы, на что ему даётся два месяца срока. Благочинный имеет донести мне чрез два месяца о последующем». Мужик, в качестве члена управы, ни разу не видевший священника, официально обличает его во лжи. Епархиальное начальство относится к его заявлению с полным доверием. Ни объяснения старца, ни свидетельство благочинного не принимаются в резон. Священнику предлагают или не лениться, или убираться из прихода. Вот ему награда за сорокапятилетнюю непорочную службу, на которой он потерял здоровье.

Такое отношение к священникам, как со стороны земских деятелей, так и со стороны епархиального начальства, при грошовой вознаграждении за труд, и побуждает их уклоняться иногда от законоучительства под предлогом исправления приходских треб. Чувство самосохранения, сознание собственного достоинства, нежелание столкновений с епархиальной властью и зависи-

с. 762

с. 763

мости от произвола разного рода светских самодуров, побуждают их уклоняться от простой своей обязанности, а не требоисправление. В шестидесятых годах было открыто множество церковно-приходских школ. Священники занимались в них каждодневно по несколько часов. Никто не указывал на требоисправление как на препятствие к занятию в школе.

Немаловажным препятствием к успешному прохождению должности законоучителя следует считать краткость курса и недостаточное число уроков по закону Божию. Для народных школ полагается трёхгодичный курс. В сущности же он есть трёхзимний. Дети идут в школу, когда выпадает снег и прекращаются работы, а уходят из неё, когда снег начинает таять и начинаются приготовления к полевым работам. Средним числом дети посещают школу в полном числе только пять месяцев. Из этих пяти месяцев исключите две недели святок, сырную неделю, первую и последнюю неделю великого поста и пасху, и увидите, что дети учатся только три с половиною, или много-много четыре месяца. Полагая по два урока в неделю, на долю законоучителя достанется 30—34 урока в зиму. А во все три года 90—102 уроков. Занятия после пасхи до конца мая, а также осенью до снега не следует принимать в расчёт. Тогда дети приходят в училище мимоходом, — ныне те, завтра другие, и притом в количестве пятой или даже десятой части всего числа учеников. Но это ещё не всё. В первый год законоучителю в школе почти нечего делать, так как дети только учатся читать. Остаётся 60 или 68 уроков. Но и эти уроки едва ли посетит неопустительно хотя один ученик. Почти ни на одном классе ученики не бывают все в наличности. Спрашиваешь: где такой-то? Он уехал с отцом за сеном или дровами. А такой-то? Он чистит снег, или навоз. Как заставить ученика неопустительно посещать классы? Ставьте ему единицу, нуль, или что хотите, — всё это будет как горох к стене. Обратитесь с увещанием к родителям, — они сошлются на бедность, укажут, что у мальчика одежда плоха, лапти худы. Не замёрзнуть же ему на дороге в школу в трескучий мороз или вьюгу. Попадают в школах такие учителя, которые в первую зиму едва выучивают детей разбирать слова. Летом дети всё позабывают. Во вторую зиму они со грехом пополам выучивают детей читать по-русски, не обращая внимания на славянский язык. Законоучитель может серьёзно заняться с детьми только в третью и последнюю зиму, когда дети читают сносно. Начинается экзамен. Ученики закон Божий знают слабо. Без всяких объяснений: законоучитель виноват, он не занимался своим делом. Так и записывается, так и докладывается куда следует. Теперь обратим внимание на то, что требуется от законоучителя. Он должен преподавать детям молитвы, символ веры и заповеди по-славянски с русским переводом и объяснением, историю ветхого и нового Заветов, объяснение праздников и богослужений. Если принять во внимание неразвитость крестьянских детей, то нетрудно понять, что при ограниченном числе уроков, с вышеизложенными препятствиями, законоучитель не в состоянии бывает выполнить свою задачу. Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что в продолжение семимесячного ваканта дети почти забывают всё, что заучили в школе, кроме молитв, символа и заповедей. Если к этому присовокупить ещё то, что в земских школах учителям не вменяется в обязанность учить детей чтению славянской печати, — если иной учитель не выучивает детей в одну зиму сносно читать гражданскую печать; то добросовестное выполнение своей задачи для законоучителя становится невозможным.

с. 765 Ввиду всего вышеизложенного нельзя не пожелать, чтобы в постановке школьного дела допущены были существенные изменения: 1) По воле Законодателя, воспитание детей в школах должно быть религиозно-нравственное, в смысле тесного сближения школы с церковью. Из этого следует, что священник должен быть в ней лицом влиятельным, имеющим веский голос в сношениях с распорядителями сельских школ о лучшей, более нормальной постановке школьного дела, применительно к местным условиям.

2) Необходимо предоставить производство испытаний в школах по закону Божию лицам с богословским образованием, обладающим педагогическою опытностью. Хорошо было бы поручить это дело градским священникам, состоящим на должностях законоучителей в градских учебных заведениях, которые могли бы быть и членами училищных советов. Эти лица, обладающие педагогическою опытностью, получивший навык и умение обращаться с детьми в школе, могут производить испытание с знанием дела. Их оценка познаний учеников будет заслуживать большего доверия, чем разглагольствия светских лиц — от инспекторов до членов управ — не получивших богословского образования и большею частью не могущих расстаться с предубеждениями против духовенства. Ни в одном учебном заведении учитель математики не выступает в качестве ценителя познаний по древним языкам, учитель словесности — по физике, учитель физики — по закону Божию. Везде дело поручается специалистам. Почему бы не держаться этого правила и в народных школах?

3) Следовало бы увеличить число уроков по закону Божию. Вместо двух двухчасовых, назначить три в неделю, а ещё лучше шесть часовых уроков. Каждодневное появление священника в школе, хотя на один час, может благотворно влиять на религиозно-нравственное воспитание детей. Шесть часовых уроков в неделю не могут обременить священника. Едва ли основательно предполагать, чтобы он не мог уделить одного часа времени для занятий в школе, от девяти до двух человек, как бы он ни был занят требоисправлением.

4) Необходимо вменить учителю в обязанность учить детей читать не одну гражданскую печать, но и славянскую, на которую до настоящего времени в земских школах не обращается внимания, вопреки требованию закона, и как только дети научатся разбирать слова, научить их молитвам, символу веры и заповедям, с русским переводом, без объяснений. Это значительно облегчило бы труд законоучителя и дало бы ему возможность ещё в первую зиму заняться объяснением молитвы. Для учителя же решительно всё равно: на баснях или на молитвах дети будут практиковаться в чтении гражданской и славянской печати. Переход учителя после склада слов гражданской печати прямо к басням и сказкам, когда дети ещё не знают молитв, сильно возмущает народ и отталкивает его от земской школы. Дети перестают ходить в школу. Как класс рабочий, умеющий ценить время, народ считает непроизводительно утраченным время, проведённое ребёнком над книжкою, по его мнению, совершенно пустого содержания. Он требует от школы прежде всего существенного, чем он дорожит более всего, именно: чтобы его детей прежде всего научили молиться Богу и читать книги душеспасительные. Он не отказывается и от других полезных знаний, готов читать книги светского содержания, не резко противоречащие его религиозно-нравственному настроению, но придаёт им второстепенное значение. Напрасно думают, что простой народ желает научиться читать только псалтирь и часослов и притом непременно посредством аза, буки и веди. Это заблуждение: грамотные люди моего и соседних приходов с большим удовольствием читают «Родину», «Вестник народной помощи» и другие. Если простой народ отворачивается от звукового метода, пока ему не объяснят превосходство его над старым методом обучения, то единственно потому, что полагает, будто звуковой метод приводит детей его ни к чему иному, как к чтению басен, сказок, небылиц и вообще всего того, что народ считает бесполезным. Начни светский учитель дело с молитв, дело примет совершенно иной вид. Это примирит народ со звуковым методом, расположит его в пользу земских чинов и послужит средством к значительному увеличению числа учащихся в них. После молитв, символа и заповедей, учитель может заниматься с детьми всем тем, чем он занимается с ними теперь, не рискуя навлечь на себя неудовольствие народа. Но при этом необходимо заметить, что «Родное слово» Ушинского, как учебник, неудобно для народной школы. Содержание его отталкивает народ от школы. На басни, сказки, небылицы, песни и прочее народ смотрит как на пустословие, а на помещение в одной книжке со всем этим молитв и священных картин, иногда рядом с песнями (например, стр. 120 и 121 год второй), как на кощунство. Нам кажется, что без важного ущерба для школьного дела можно бы было сделать уступку народу и поставить дело иначе. Молитвам приличное место в молитвеннике, священные изображения можно поместить в отдельной книжке и непременно с объяснениями, а не с одними подписями: «что нарисовано на этой картине?» Басни и сказки можно поместить в отдельной книжке и непременно с нравственными выводами из них. Ведь и недаром и древние под баснями писали: *fabula docet*. Почему бы не сделать того же и нам? Это была бы интересная книжка, от которой никогда не отвернулся бы простолюдин.

5) При определении священника на должность законоучителя необходимо предварительно осведомляться, может ли он занять предлагаемую должность. И если окажется, что он или по преклонности лет, или по болезни (например, чахотке), не позволяющей ему пробыть в школьной атмосфере и пяти минут, не может воспользоваться предложением, то, без всяких угроз о переводе в другой приход, определять в такую школу учителем кончившего курс семинарских наук с правом быть и законоучителем. Кончивших курс семинарии народ считает духовными, видит в них своих будущих пастырей и относится к ним с доверием. Притом же кандидат священства может обучать детей церковному пению. А это более всего располагает народ в пользу школы. Самим же кандидатам священства занятие в школе принесло бы большую пользу. Вместо того, чтобы прозябать в сельской глуши на должности псаломщиков, где, быть может, нет сносных книг для чтения и не выписывается духовных журналов, в школах они практиковались бы в деле катехизического обучения истинам христианской веры и в последствии были бы хорошими проповедниками. Сверх этого, постоянные занятия в школе спасали бы их от дурных последствий праздности. Иногда в продолжение целой недели псаломщик остаётся без дела, так как в сёлах служба бывает только по воскресным и праздничным дням. При такой

с. 766

с. 767

с. 768

постановке дела каждый священник, понимая важность образования простого народа, будет содействовать открытию земской школы в своём приходе, не рискуя нажить себе неприятность за своё усердие. Это было бы полезно по крайней мере в нашей местности, где распространение земских школ идёт туго, благодаря предубеждению против них простого народа и другим причинам, изложенным выше.

Нам кажется, что прежде допущения светских лиц к преподаванию закона Божия в народных школах, не худо бы подумать о нормальной постановке самой школы, взглянуть на неё как на народное учебное заведение, соответствующее потребностям жизни православного простого народа. Замещать же должности законоучителей лицами, знакомыми только с азбукою закона Божия, значит смотреть на школу очень низко и полагать, что преподавание в ней может ограничиться задаванием уроков от сих до сих, и идти против общепризнанной в наше время истины, что в каждом учебном заведении каждый предмет должен быть преподаваем лицами, специально к тому подготовленными. Ещё неизвестно, как взглянет простой народ на применение этой меры, по крайней мере в глухих местностях. А это следовало бы иметь в виду, чтобы не поставить на карту будущность земских школ. О всём народе нельзя судить по обитателям Петербургской губернии. Искони веков народ считает духовенство своим естественным учителем. Устранение священника от школы, или правильнее законоучительства, способно окончательно уронить школу в глазах простого народа.

Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что если проект о допущении светских лиц без богословского образования к законоучительству получит силу закона, то найдутся и такие земские деятели, которые не мытьём, так катаньем, постараются выжить священника из школы и заменить его светским лицом.

II.

с. 769

В майской книжке (№ 5) «Православного обозрения» сделано приглашение высказаться откровенно, что заставляет отцов законоучителей иногда уклоняться от законоучительства? Вопрос этот в самом деле очень важен при рассмотрении и правильной постановке дела законоучительского. От добросовестного уяснения его окажется, не нужно ли направить его, вопреки г. Лескову, именно в ту сторону, от которой он отводит, а не к той, к которой он тянет (то есть от духовенства к светским). Законоучительство в лице священника или диакона незаменимо никаким светским лицом по тому признанию, на которое они званы Духом Святым чрез святительское рукоположение. Об этом, кажется, и толковать нечего имеющему уши слышати. Весь вопрос сводится к тому, кем заместить в законоучители в случае недостатка священников? Но хорошо ли выяснено то, что недостаток законоучителей действительно происходит от недостатка священников? Не происходит ли это от чего-нибудь другого? Мы сами служили в училищном совете прежнего состава и только утешались серьёзною постановкою преподавания Закона Божия в строгом православном духе в руках прекрасных законоучителей-священников. Чрез два года, по выходе нашем из училищного совета, к великому прискорбию узнаём об увольнении троих из тех законоучителей от преподавания Закона Божия. Что сие значит? подумали мы и искали случая откровенно поговорить об этом с кем-либо из них. Случай представился и, для большой наглядности, передаём здесь разговор наш с одним из тех законоучителей.

— Как вам не стыдно, — спрашиваем мы, — отказаться от законоучительства, которое приносило мальчикам крестьянским такие добрые плоды?

— Мне самому, — отвечает бывший законоучитель, — жаль этого; но решительно стало служить невозможно при нынешнем составе училищного совета.

— Как так? Чего, кажется, представительнее: предводитель дворянства — председатель, член от министерства народного просвещения, штатный смотритель, затем инспектор народных училищ, а там директор...

— Да, грому много, а на деле путного мало. Все эти лица громки только на бумаге, официально, а в Законе Божиим далее начатков христианского учения нейдут, а между тем форсу умеют поддать и накричать, распечь, — накричат и распекут без церемонии при тех же мальчиках.

— И с вами это было? Ужели?

— Да, было; после того я и вышел и отказался от законоучительства.

— Как же так? Расскажите пожалуйста.

— Прежде всего я должен заметить, что местный училищный совет сосредоточивается в руках одного штатного смотрителя — (он же и делопроизводитель совета); другие члены только для обряда существуют: предводитель живёт по обычаю в деревне или отпуску, члены от земства — ничто, инспектор народных училищ бывает в училищах раз или два в течение всего года, и то на скорую руку; директор года в три один раз. Совет, таким образом, остаётся в руках одного штатного смотрителя или инспектора городского училища. Вот раз и приезжает этот смотритель в моё училище, как заметно, с великого похмелья; вломился в училище, кое-как перекрестился, подошёл к мальчику и самым диким голосом заревел: сколько богов у нас? Мальчик смутился немного. «А, у вас и этого, батюшка, не знают? Что это за преподавание?» Я стал объяснять, что к Закону Божию надобно относиться благоговейнее и спокойнее, тогда сами увидите лучше, как шло преподавание и есть ли успехи. «Так вы учить ещё меня стали? Вот я напишу директору, чтобы вас отставили от должности». Признаюсь, такая сцена на глазах детей совершенно уничтожила меня.

с. 770

— Стало быть, я лишний здесь? — Да, лишний. — Я ушёл. — После меня он задавал вопросы, какие попадутся, например, сколько у нас небес? На чём пророк Илия ездит? После этой истории я увидел, что служить при таком начальстве значит только замарать свою честь, — подал прошение об увольнении и уволился.

— Да как же другие-то служат?

— Служат даже с похвалами. С этим начальником всего легче и поладить, чтобы не вести дела серьёзно. Приедет он в училище ревизовать, а вы ему устройте хороший обед или устройте картёжную игру; тогда можете вполне быть уверены, что у вас всё будет прекрасно и награды получите.

— Да вы бы инспектору народных училищ объяснили вашу историю.

— Это совершенно лишнее, это почти два сапога пара. Инспектор народных училищ, как я говорил, приезжает в училище всего раз в год на час или на два; а между тем ему надобно же отчёт представлять об училищах. Штатный для него и работает, человек значит очень нужный. Входить в препирательства здесь очень неудобно.

— А директора так и не видали?

— Нет, не видал.

— Интересно бы знать, как он относится к Закону Божию.

— Слышал я от других: выдумал он или ему выдумали, не могу сказать, какую-то свою программу Закона Божия, отличную от министерской, Высочайше утверждённой: вот по ней и спрашивает, по ней и определяет достоинство преподавания Закона Божия. Спрашивает, например, о древних пророчествах и прообразованиях этих мальчиков, которых надобно поить молоком, а не брашном. Посметливее законоучители вынут из кармана его программу, подготовят что-нибудь из неё и директор в восторге, и затем благодарности и награды, хотя бы существа дела преподавательского и не было. Печально, что великое дело преподавания Закона Божия поставлено в какие-то случайные, мелочные обстоятельства, зависящие часто от личного усмотрения лиц, для которых ответы по Закону Божию имеют одинаковое значение с теми, например, сколько в пуде фунтов и в фунте золотников, а в четверике гарнцев.

с. 771

Действительно, печальные условия... При этих условиях только и возможны учителя народных училищ: — революционеры и нигилисты. Не о передаче преподавания Закона Божия светским лицам следует речь вести, а о полном изъятии преподавания Закона Божия из-под наблюдения и училищного совета, и инспекторами директора. В каждом уезде есть благочиннический совет, в его ведение и следует отдать наблюдение и ревизию по преподаванию Закона Божия; где есть в городе духовные училища, — там смотритель духовного училища — как человек с высшим образованием должен быть непременно членом этого совета. По уставу он состоит же этим членом при городских библиотеках; между тем его участия в народном образовании никакого нет. А он мог бы оказать гораздо большую пользу, чем штатные смотрители, инспекторы и директора. К нему будут иметь полное доверие и законоучители, как лицу вполне компетентному, тогда и жалоб не будет на скудость законоучителей-священников.

N.